

СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСКОГО НАУЧНОГО ТРУДА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Н. Г. СМЕРНОВ, Б. А. РЫБИН

Определение научного труда как одной из составляющих совокупную производительную деятельность общества продиктовано состоянием науки и характером современного производства. Это обстоятельство с необходимостью требует при анализе экономики науки подходить к ней с общих марксистских методологических позиций, применяемых при рассмотрении конкретной системы производственных отношений.

Проблема экономической формы участия производительного работника в распределении фонда индивидуального потребления имеет свою качественную и количественную стороны. Если качественная сущность распределительных отношений, являясь лишь обратной стороной отношений в собственно производстве, принципиально определяется только характером собственности на средства производства, то количественная сторона связана непосредственно с общим объемом распределяемого фонда, спецификой содержания труда, общественными способами оценки его значимости.

Именно количественная сторона проблемы имеет решающее значение для самостоятельной постановки вопроса о специфике творческого научного труда и ее отражении в системе распределения при социализме.

Очевидно, что носители научной деятельности участвуют в распределении наравне со всеми членами социалистического общества, которые выступают как ассоциированные производители. Это социально-экономическое равенство есть результат общественной собственности. Оно предполагает для всех труд на общество как единственное основание для участия в процессе распределения, не делая никаких социальных исключений.

Однако уже на этой стадии есть основания говорить об определенном влиянии специфики научного труда. Дело в том, что общество признает основательным право на участие в распределении фонда индивидуального потребления только в том случае, если труд признан им как общественно полезный. Или, по другому говоря, общество заранее знает и предполагает общественно полезный результат трудовой деятельности.

Научный труд не может быть признан как труд непосредственно результативный во всяком конкретном случае своего проявления. Не только конечный материальный или иной результат, но и общественная

значимость подчас могут быть представлены лишь весьма приближенно или в самом общем плане.

Безусловно, если общество допускает каждого научного работника к участию в распределении, то оно в известном смысле соглашается на риск во имя эффекта от результата научной деятельности в целом. Практика показывает очень высокую степень эффективности этой сферы труда и тем самым дает достаточное оправдание признанию всякого научного труда как общественно значимого.

В то же время следует иметь в виду, что такое признание носит скорее формальный, чем сущностный характер. Это раздвоение подхода к научной деятельности со стороны общества возникает неизбежно, когда оно сталкивается с ней, с рассматриваемой стороны. Оно — объективный продукт того, что общество вступает в отношение с каждым конкретным представителем научного труда, без жестких гарантий получения полезного результата от каждого работника, основываясь на предвидении возможности его появления.

Поскольку для распределения формальное признание становится решающим моментом, то необходима и форма выражения этого признания. Очевидно, такой формой может быть участие члена общества в общественно-организационных формах научной деятельности, то есть его работа в государственных и соответствующих им научных учреждениях, признание его действительно ученым путем присуждения необходимых в этих случаях степеней и званий.

Следует заметить, что возникновение отношения между работниками и обществом по формальному признаку признания его труда как научного, не означает, что между ними нет самостоятельного отношения, если конкретный труд данного работника принес обществу полезный результат. Но оно лежит в несколько иной плоскости и связано с задачами материального стимулирования и количественной характеристики меры участия в распределении. Во всяком случае и при этом условии предварительно он лишь формально признавался как научная деятельность.

Определение научного труда как непосредственно нерезультативного в каждом конкретном случае своего проявления иногда вызывает возражение. В качестве аргумента приводится практика определения четкого и конкретного задания научному работнику, заранее предусматривающего получение известного и необходимого результата. Однако бесспорная правильность самого этого аргумента не означает, что известный формальный характер признания труда как научного не имеет места и значения во всех других случаях.

В то же время, если к разбору приведенного факта подойти с достаточно строгой последовательностью, то обнаружится, что и здесь либо отсутствует действительно научный характер деятельности, либо налицо предварительное и формальное признание труда как научного независимо от результата.

Обращение за получением желаемого и определенного результата в область науки может означать, что проверенного и отработанного способа его получения практика не знает вообще или не желает воспользоваться имеющимися как неприемлемыми по каким-то соображениям. В этом смысле задание научному работнику неизбежно принимает форму не обязательной директивы, а целевой установки. Его деятельность получает признание как научная, хотя результат может быть получен от другого лица или не получен вовсе.

Если же это обращение имело место потому, что научный работник обладает высоким уровнем квалификации и знаний, а потому способен с наименьшими затратами и в наименьший срок воспроизвести уже из-

вестный способ получения искомого результата, то его деятельность, строго говоря, не может квалифицироваться как научная.

Вывод о раздвоении подхода к научной деятельности со стороны общества при решении вопроса об основании для участия научных работников в распределении фонда индивидуального потребления имеет не только общетеоретическое, но и практическое значение. Оно состоит прежде всего в необходимости установления соответствующих требований к уровню знаний и квалификации каждого, претендующего на звание научного работника. Практика в качестве определяющего начала видит наличие у соответствующего работника высшего образования и его деятельность в рамках научных организаций.

Если учесть, что из 664,6 тыс. научных работников в СССР в 1965 г. ученые степени доктора и кандидата наук имело 149,2 тыс. человек, то станет очевидным, что диплом о высшем образовании и работы в штате научной организации являются наиболее распространенными признаками признания труда в качестве научного.

На наш взгляд, следовало бы узаконить практику годичного испытательного срока для всех принимаемых в штат научной организации, после которого каждый из них получал бы аттестацию в трудовой экспертной комиссии.

Помимо всего практическое значение вывода о формальном признании труда как научного состоит в установлении правильной методологии при решении некоторых задач научной организации самого научного труда. Из него непосредственно вытекает требование четкого разграничения функций научного работника, относящихся к действительно научной деятельности и лишь обслуживающей ее.

В реальной действительности эти функции, как правило, очень тесно взаимосвязаны и переплетены. Но поиски разумного их разделения, специализации работников должна представлять важнейший элемент научной организации этого труда.

Конечно, в принципе мыслим и совершенно иной подход в решении рассматриваемой проблемы. Он состоит в том, что общество и применительно к научному труду проявляет тот же подход, что и к любой иной сфере деятельности. Это означает, что оно признает общественно-значимой только ту научную деятельность, которая оказалась результативной и только ее допускает к участию в распределении.

Несмотря на кажущуюся наибольшую выгоду для общества именно такого подхода, он не может быть признан правильным, так как не соответствует социально-экономическому положению работника в социалистическом обществе и специфике характера научного труда.

Такой подход неизбежно привел бы к тому, что научный работник терял бы право на участие в распределении, если его деятельность не привела к непосредственно полезному результату. Это было бы оправдано при условии частной формы проявления способности к труду, превращения рабочей силы в товар. Но этого при социализме нет.

Нет в данном случае и отношений, которые хотя бы по внешней форме выступали как аналогичные товарным, как это имеет место в собственно-материальном производстве. В материальном производстве, где основу составляет свободно воспроизводимая деятельность, экономическое обособление работника и коллектива работников реально может проявиться лишь через сравнение конечных результатов. Характер научного труда исключает возможность такого сравнения. Следовательно, исключается и возможность рассматриваемого подхода к научной деятельности.

Как уже указывалось, проблема экономической формы участия научного работника в распределении фонда индивидуального потребления

имеет не только качественную, а и количественную сторону. Она регулируется своими принципами и закономерностями, которые носят всеобщий характер и применимы ко всякой общественно полезной деятельности.

Нестойкая форма рабочей силы при социализме и недостаточный с точки зрения развитого коммунизма уровень развития материального производства предопределили в качестве господствующего принцип распределения по труду, а также обособление части распределяемого фонда в общественные фонды потребления.

Всеобщность этих форм распределения не делает исключения ни для какой сферы и потому они выполняют те же функции и применительно к научным работникам.

Специфичность количественных характеристик распределения возникает при обосновании меры потребления и дифференциации ее.

Размер меры потребления определяется прежде всего размером распределяемого фонда. Если его величина известна, а труд всех участвующих в распределении редуцирован до простого труда, то путем деления фонда на суммарную величину такого труда получается оценка его единицы. Таким образом, распределением устанавливается прямая связь меры потребления и меры участия работника в общественно полезном труде.

Но распределение имеет дело не только с количественной индивидуализацией доли. Оно призвано провести распределение таким образом, чтобы обеспечить нормальный ход воспроизводства способностей работника к труду и реализацию требований основного экономического закона социализма. Следовательно, мера потребления связана не только с размером фонда и долей труда. Она обусловлена спецификой воспроизводства конкретного труда и по природе своей не может быть одинаковой для различных видов этого труда. Поддержание и развитие способностей к труду требует в разных видах деятельности различных затрат и разных способов их осуществления.

В этом отношении научный труд и его воспроизводство обладает рядом совершенно специфичных особенностей. Они заставляют выделить эту специфику в самостоятельную проблему.

Научный труд прежде всего — труд наивысшей квалификации. Но главная его особенность в сугубо творческом содержании. Это заставляет относить такой труд к разряду несвободно воспроизводимых, обладающих элементом экономической монополии.

Из этого вытекает важный вывод для распределения. Он состоит в том, что установление меры потребления на любом уровне само по себе еще не обеспечивает воспроизводства труда как именно научного труда.

На первый взгляд, такой вывод обрывает всякую связь при определении меры потребления научного работника с воспроизводством его способностей к труду. Но это будет поверхностным и неправильным предположением.

Такая связь сохраняется, но характер ее резко изменяется. Если во всякой иной деятельности количественная характеристика в известной мере предопределяется условиями повторения, свободной возможностью воспроизводства, то творческий труд требует индивидуализации этой связи, независимости ее от условий повторения. В таком случае критерием количественной оценки может стать только такой объем потребления, который позволяет научному работнику отдавать свои способности именно этому виду деятельности. По другому говоря, устанавливаемая ему обществом мера потребления должна быть не менее чем любая иная, примененная к свободно воспроизводимой деятельности. На-

рушение этого критерия может вызвать и действительно вызывает переключение части научных работников на выполнение такой работы, которая не требует имеющихся у него знаний и способностей.

Таким образом, обнаруживается как бы низшая граница меры потребления для сферы научной деятельности. По своей природе она является косвенной, а не прямой экономической формой. Экономические явления знают такие способы выражения своих количественных характеристик. Поэтому применение косвенной формы в данном случае не противоречит экономической сущности, выражаемых ею отношений.

Установление низшей границы оплаты труда на уровне высококвалифицированного, но свободно воспроизводимого труда служит как бы объективной базой. Ориентируясь на нее общество имеет возможность, исходя из конкретных потребностей места, времени и вида научной деятельности, осуществлять необходимые отклонения в ту или иную сторону.

В то же время следует иметь в виду, что сколько-нибудь значительные отклонения от этой границы не могут быть оправданы при установлении размеров ставок основной оплаты. Такое ограничение вытекает из того, что общество допускает, как было выяснено ранее, к участию в распределении всякий труд, если он лишь по формальным признакам признан как научный.

Это с неизбежностью вызывает и раздвоение подхода к оценке научного труда, когда оценка осуществляется уже с позиций определения меры участия в распределении.

Поскольку данное распределение из-за особенностей характера труда не связано непосредственно с результатами этого труда, постольку оно и не может оценивать такой труд как более значимый на строго определенную величину. Общество, устанавливая меру участия его в распределении, вынуждено фиксировать оплату труда по установленной объективной базе.

Но этот способ оценки по природе своей не может быть единственным и в полной мере удовлетворительным. Его недостаточность заключена в том, что он содержит в себе резко выраженные черты уравнительности. Они результат того, что научный работник допускается к распределению не по результатам его деятельности, а лишь отнесению его труда к этой категории деятельности. И мера участия в распределении выведена не из воспроизводства собственно научного труда, а путем применения косвенной формы.

Если бы распределение было построено только таким способом, то оно неизбежно потеряло бы свое стимулирующее значение в деле повышения эффективности научного труда. Следовательно, распределение должно иметь помимо этого способа и другой, который бы непосредственно связывал его с конечными результатами деятельности.

Рассмотрение этого способа оценки должно стать предметом самостоятельного анализа. В рамках же данной статьи следует отметить лишь некоторые его характерные моменты. Во-первых, отношение распределения возникает только в том случае, если деятельность данного научного работника принесла результат, оцененный как общественно-значимый.

Во-вторых, для возникновения этого отношения нет необходимости предварительного отнесения по каким-либо формальным признакам данного работника к категории научных работников.

В-третьих, определение меры вознаграждения должно быть максимально допустимым с точки зрения общественных интересов. Учитывая особую значимость результатов научной деятельности, распределение

призвано обеспечить наибольшую заинтересованность со стороны работника в получении этих результатов.

Понятие предельно допустимая мера участия в распределении экономически неопределенно. В нем не содержится каких-либо объективно четких границ. В то же время эмпирически можно нащупать величину, которая обеспечивала бы достижение заложенной в ней целевой функции.